

УДК 303; 101

МЕТОДОЛОГИЯ ПОЗИТИВИЗМА И ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ**Трынкин Вадим Владимирович,**доцент кафедры философии и теологии,
Нижегородского государственного педагогического
университета им. К. Минина.

E-mail putnikuprivala@rambler.ru

Аннотация

Сознанию читателя предлагается анализ двух приоритетных видов знания – естественнонаучного и обществоведческого. Выявляется, насколько они методологически соответствуют один другому; могут ли они сосуществовать в гармоничном сочетании, или нет в ходе исследования социальных явлений?

Ключевые слова: естествознание, обществоведение, гармония, дисгармония, современность

METHODOLOGY OF THE POSITIVISM AND THE SCIENCE OF SOCIO**Trynkin Vadim Vladimirovich,**Associate Professor of sub-faculty philosophy and theology
The Nizhny Novgorod State Pedagogical University K. Minin.

E-mail: putnikuprivala@rambler.ru

ABSTRACT

The reader's consciousness is offered an analysis of two priority types of knowledge – natural science and social science. It is revealed how methodologically they correspond to one another; can they coexist in harmonious combination or not in the course of social phenomena research?

Keywords: natural science, social science, harmony, disharmony, modernity

Эпоха великих научных открытий резко отразилась на сознании учёных и мыслителей последующих времён. В результате появились две противоположные тенденции: 1) великие учёные решили возвысить статус своих трудов до уровня философии; 2) определённое количество философов сочло необходимым уподобить свои исследования научной методологии. Так, с одной стороны, возникли: «Математические начала натуральной философии» И. Ньютона, хотя ничего философского в великом

открытии Ньютона не было; появился и «Курс положительной философии» О. Конта, но и у Конта также не найти философского взгляда на науку. С другой стороны, Гегелем создано не исследование логики, а именно «Наука логики», хотя ничего научного в его сочинении нет; Э. Гуссерль в начале XX века написал Философию, как строгую науку, но и в этой работе не использован ни один критерий или метод науки. Кто-то отнёсся к данным противоположным устремлениям, как к некоей норме. Есть и другой взгляд, согласно которому данный синтез кажется противоестественным. Автор предлагает свой взгляд на данную, совсем не простую проблему.

Каков же путь положительного познания предложен О. Контом? Отталкиваясь от обширного знания, сформулированного Бэконом, Декартом и Галилеем, Конт предполагает создать систему общих идей, чтобы завершить начатое ими дело. Для этой цели он намерен привести в систему все однородные доктрины, созданные ранее человеческим знанием, подобно классам осознанных естественных явлений. Хотя изучать данные явления он не собирается. Внутри самого себя Конт глубоко убеждён, что все попытки общего объяснения всех явлений на основании одного закона совершенно бесполезны. Он признаёт силы человеческого духа слишком незначительными, а мир невероятно сложен, чтобы суметь достичь такого совершенства. И в целом, полагает он, научная методология далека от подобного объяснения. Хотя он всё же рассчитывает связать все естественнонаучные явления наиболее общим положительным законом – законом тяготения, так, как он уже сближает между собой явления астрономии со знаниями физики [см. 6, с. 22-23]. 1. Опыт сведения воедино всех однородных доктрин, ранее созданных человечеством, впервые методологически осмыслен И. Кантом в его «Критике чистого разума». Именно там он поставил перед философией грандиозную цель создания универсального синтеза имеющихся знаний. Хотя в данный синтез не должны были войти все знания без разбора, а лишь те, которые привели к существенным открытиям. Метод Канта предполагал наличие созревших методологий в науке, этике, правоведении, политике, экономике, языкознании, искусствознании, теологии – именно в отношении к ним планировалось образование трансцендентального синтеза. 2.1. В отличие от методологии Канта методология О. Конта ограничивалась только естественнонаучным знанием, что свидетельствовало об ограниченности его подхода. Очередное упрощение было связано с идеей создания классов осознанных естественных явлений, подобно дереву биологических видов, созданных Ч. Дарвином. Кроме того, главным критерием классов естественных явлений О. Конт счёл закон всемирного тяготения, что фактически привязало к физике все предполагаемые обобщения, резко ограничило познание биологических существ, гораздо более сложных, чем физические явления. 2.2. Кроме того, О. Конт ставит перед собой цель общей систематизации знания, отвергая процесс его познания. Ф. Бэкон, на которого он ссылается, ставил более глубокую цель – великого восстановления наук. В ней, помимо систематизации, он продолжал активно познавать мир явлений. Тем же самым активно занимался Р. Декарт, создавший большое сочинение «О мире», а также Г. Галилей, внимательно изучавший звёздный космос. 3. В итоге общий замысел систематизации знаний, задуманный Контом, оказался внутренне эклектичным и несовершенным. Да и сам Конт высказал сомнение в возможности столь сложного предприятия.

Уточнения О. Конта, предполагающие разъяснение его системы, добавляют противоречия к уже выявленным. Главным принципом создания своей классификации Конт считает наблюдение, а не абстрактные идеи. Разделив активность человека на размышления и действия, Конт вводит деление наук на теоретические и практические. Взяв за основу теоретические знания, он оговаривается, что не намерен заниматься изучением всего объёма имеющихся знаний, но будет исследовать систему основных понятий о явлениях различных классов, как бы первую в своём роде [см. 6, с. 25-27]. Ставя себе цель

всюду быть рациональным и последовательным, Конт этого требования не выдерживает. 1. Ботаники и зоологи изучали различные проявления флоры и фауны, то есть, они непосредственно наблюдали и обобщали явления в природе и животном мире. Метод их был исключительно эмпирическим и отчасти обобщающим. Конт также планирует взять в качестве метода исследования наблюдение, то есть, тот же эмпирический метод. При этом отказывается от абстрактных идей. Но после разведения в стороны теоретических и практических знаний, выбирает путь классификации понятий. В итоге Конт встаёт на путь отвергаемого им абстрактного знания. В этом – его главное противоречие. 2. Чтобы классифицировать понятия, нужно быть уверенным, что все они исследованы точно, соответствуют опыту и обобщениям. В философии, например, никакое впервые созданное понятие не принимается на веру; оно всегда предварительно изучается на достоверность – для этой цели иногда приходится опускаться до уровня опыта и его обобщений. Конт избавляет себя от этой заботы, безоговорочно полагаясь на предшественников. В этом плане он невольно может оказаться пленником искажённых и даже ложных понятий, которые, так или иначе, исказят его систему классификации понятий.

Создав два класса явлений – неорганического и органического мира, О. Конт решил, что физиологические явления следует изучать после явлений неорганических и что в живых телах есть физические и химические процессы, связанные с неорганическим миром. Кроме того, в телах есть жизненные процессы, зависящие от организма. Тут бы следовало подняться по ступеням развития выше – к миру социально-политическому и духовному, но Конт ограничил себя физикой и физиологией тела, считая более высокий метод познания теологическим и метафизическим. Он согласился с тем, что живые тела ещё недостаточно изучены, но любое новое мнение не сможет поколебать его классификации [см. 6, с. 37]. 1.1. Конт словно привязывает человека к физико-химическим свойствам; но в таком контексте человек ничем не отличается от амёбы или водоросли, что приводит к резко упрощённому взгляду на свойства и способности человека, а также весь мир людей. То есть, введённые Контом ограничения, препятствуют ему самому создать полную классификацию отраслей и областей знания. 1.2. Например, как с естественнонаучной точки зрения объяснить феномен психики? Ведь в ней физико-химические реакции проявляются в ничтожной степени; чуть в большей степени дают о себе знать биологические реакции. Однако на порядок больше чисто психических феноменов (замыслов, образов фантазии, видений, вдохновения), на которые физико-химические реакции уже не распространяются. Феномен творчества вообще не объясним в физико-химическом плане, хотя без учёта творчества не возникло бы ни одно достижение цивилизации людей. Невозможно объяснить и феномен самопожертвования, которого нет даже в мире животных, не говоря о неорганическом мире. Есть ряд других процессов, также не объяснимых с естественнонаучной точки зрения. 2. В этой связи, возникает два предварительных вывода: затронув проблемы физиологии, более полно – физиологии человека, Конт словно вернулся вспять к элементарным процессам. В то же время, высвечивается особая роль метафизического и теологического методов познания: оказывается, они совсем не вредны с естественнонаучной точки зрения, даже необходимы. Дело в том, что они активизируют процесс познания, который давно остановился бы, если бы метод Конта был признан безоговорочно всеми. Метафизический (философский) метод познания с давних времён осваивает все стороны и особенности межличностного общения, социальных и политических отношений, нравственные, психические, правовые, экономические, художественные и даже теологические проявления активности людей, не говоря уж о познании явлений природы и космоса; теологический метод занят проблемой отношений людей к Богу и Бога к людям. В итоге весь спектр знаний активно развивается, а где возможно, уточняется.

Г. Спенсер, параллельно с О. Контом, ищет отличия научного знания от других видов познания, противопоставляя его вначале обыденным мнениям. Учитывая, что там и там используются одни и те же способности, он стремится найти такие из них, которые присущи только науке. В этой связи, Спенсер отмечает, как ненужные науке, факторы организованности, предвидения, даже точность предвидений, утверждая, что все эти свойства проявляются в самых ненаучных видах знания. К обыденным знаниям он относит те, что познаются посредством чувств; и те, что по природе просты и неизменны. Наоборот, наука может предсказать заход и восход луны в назначенное время, снижение ртутного столбика на вершине горы, а опущенная в воду гальваническая батарея даст на одном полюсе горячую воду, на другом – газ в определённой пропорции. То есть речь уже идёт не том, что воспринимается чувствами, а о познании комбинированных причин, которые выявляются благодаря выводам [см. 8, с. 482-484]. 1.1. Свойствам чувств Г. Спенсер противопоставляет способности ума – первые он даже не старается понять; вторые заведомо делает приоритетными. Но чувства – это не просто вид смутного знания, как повелось считать со времён Демокрита. Они являются, как я полагаю, резонаторами души; когда чувства не сумбурны, а точно настроены, они во многом способствуют невероятно тонкому познанию. Такие экстрасенсы, как Э. Пайпер, Ванга, В. Мессинг (из хорошо известных), предсказывали события, которые происходили через годы. Например, В. Мессинг в 1942 г., когда это было совершенно неизвестно, предсказал факт и год поражения фашистской Германии. 1.2. Благодаря одухотворённым чувствам и своей душе, в творцах возникают потрясающие откровения. Они же становятся тонким инструментом учёных, открывающих ранее неведомые тайны. В этой связи, ум лишь выверяет открытия, найденные отчасти благодаря чувствам. А на чувствах лежит важнейшая миссия по вхождению в контакт с душой и духом, чтобы добывать новое знание. В этой связи, отрывать ум от чувств непродуманно. 2. К сожалению, Г. Спенсер, как и О. Конт, проигнорировал высокую роль познаний, какие приходят к людям посредством философии. Не учёл, что её исследования и открытия заполняют многие пустоты, пока недоступные научному знанию. В этой связи, гораздо продуктивнее искать точки схода между наукой и философией, а не противопоставлять их резко одну другой.

Похоже, что над Г. Спенсером довлел авторитет Д. Юма с его пристрастием к эмпирической науке, иначе он принял бы к сведению гораздо более широкий и более разработанный научным способом анализ разных свойств природы. Создавая свою классификацию науки, Спенсер изначально выделяет два основных раздела: 1) наука, изучающая сами явления; 2) наука, изучающая формы познания явлений. Первая наука имеет вид конкретной, вторая – абстрактно-конкретной дисциплины. В абстрактно-конкретную науку он включает логику и математику, механику, физику, химию; в конкретную – астрономию, геологию, биологию, психологию и социологию [см. 8, с. 552]. 1.1. В реальности только логика и математика являются абстрактными науками. Все остальные естественные науки имеют конкретные и конкретно-абстрактные формы познания одновременно. 1.2. В то же время, психология и социология попали в разряд наук; более того их предписано изучать эмпирическим способом, что в ряде отношений невозможно. Разумеется, в каждой из них есть экспериментальная часть, но она обычно небольшая и серьёзных открытий в этой части не пока сделано. Гораздо более серьёзные открытия сделаны в психологии, социологии, политологии гуманитарных методах познания: их важнейшая особенность – глубокое проникновение душой в специфику социально-психических событий в каждой их данных областей. 2. Большим недостатком классификации Г. Спенсера является отсутствие в ней философии, теологии, этики, эстетики, правоведения, экономики, языкознания, искусствоведения. То есть, для Спенсера они оказались малозначимы, либо он просто не отнёс их к наукам. Хотя в реальности, при

любом освещении сути общественных процессов без них не обойтись. 3. В целом, попытки отцов-основателей естественнонаучного метода превознести над всем обществоведением главные принципы и критерии научного познания; заложили в процесс изучения общественных явлений далеко не лучший фундамент.

Дж.-Ст. Милль ушёл, что изучение общественных явлений, по сравнению с изучением природных явлений, является более сложным из-за массы совместно действующих причин. Потому идея политической науки стала утверждаться, по его мнению, только в последнее время. В прежние времена эта идея встречалась, как он считает, только у отдельных мыслителей, которые не были хорошо подготовлены для ее осуществления. В то же время, сами социальные явления, наоборот, привлекали к себе широкое внимание и серьезно обсуждались с самого начала истории. В политике, как он считает, в основном рассуждали о возможности закона оказать вредное или благотворное влияние на ту или иную формулу правления; хотя при этом не занимались предварительным исследованием общих условий, которые определили бы результаты законодательных мер. В результате ими изучалась патология и терапия общества, тогда как не было знания о его состоянии [см. 7, с. 650]. 1. Степень сложности социально-политических явлений намного превосходит степень сложности явлений в природе и в науке, её изучающей. Но из этого соотношения никак не следует, будто политология возникла только в последнее время. Дело в том, что общественные проблемы наиболее близки человеческому уму по сравнению с проблемами природы из-за вплетённости дел каждого человека в процессы, происходящие внутри общества. 2. В то же время ум человека прошлых времён, в отличие от прирастающих знаний, ничуть не ниже по способностям современного ума. Это нетрудно проверить, предприняв опыт чтения философских трудов древности – их уровень глубины совсем не уступает сложности современных обществоведческих текстов, а кое в чём превосходит их. Следовательно, все лучшие знания об обществе древних и последующих авторов ценны также как лучшие знания авторов современности. 3. В политике, в широком её понимании, изучались все наиболее актуальные проблемы, связанные с развитием обществ и государств. Милль в этом отношении существенно сужает значение, глубину и степень сложности произведённых ранее исследований, а, значит, принижает их.

Признав общественные процессы наиболее сложными на фоне природы самой по себе, Дж.-Ст. Милль относит первые к явлениям человеческой природы, хотя и обуславливает их действием внешних обстоятельств. Ему кажется, будто мышление человека, его чувства и действия подчинены неким законам. По этой причине общественные явления также, вроде бы, зависят от каких-то законов, возникающих из них. Впрочем, сам Милль сомневается в надёжном и полном знании общественных законов, которые, в отличие от астрономических явлений, бесчисленны по своим связям, непрерывно изменяются и преобразуются. Количественные мерки к ним не применимы [см. 7, с. 651]. 1.1. В отличие от предшественников, Дж. Милль гораздо более чуток и внимателен к существу общественных явлений. Хотя научная методология словно купирует выводы чуткой души. 1.2. Отнесение общественных явлений к природе человека дважды неточно: с одной стороны, общественные явления обусловлены духовными процессами, возникающими в ходе общественных (межличностных, корпоративных, межкорпоративных и т.п.) отношений, а не только и не столько процессами, происходящими в самом человеке. Во-вторых, общественные явления существенно отличаются от природных процессов (что отмечает и сам Милль), даже происходящих в человеке и обществе: природные процессы обусловлены физическими и физиологическими закономерностями; психические процессы инициируются и направляются свойствами души и духа, то есть, обусловлены душевно-духовными состояниями. 2. Никаких законов в общественном развитии никто пока не открыл в силу

значительного влияния фактора субъективности и их чрезвычайной подвижности, с одной стороны, материальных способов научного познания, с другой. Даже опыт Маркса по созданию закона экономического развития, который предопределяет собой политические изменения, оказался несостоятельным из-за неучтённой им силы и устойчивости властной пирамиды (она легко восстанавливалась после каждой революции). Других вариантов общественных законов просто не существует. 3. Поскольку Милль, благодаря своей чуткости, засомневался в надёжном и полном знании общественных законов из-за бесчисленных связей, непрерывных изменений и преобразований, происходящих внутри общества (в отличие от явлений астрономии), было бы разумнее следовать этому чуткому предвосхищению, а не заданной форме научности. Кроме того, Милль не обратил внимания на то, что количественные мерки, к которым стремится его социология, ни к душевным переживаниям людей, ни к духовно обусловленным общественным отношениям не применимы.

Опыты развития позитивистской методологии в отношении к обществоведению на рубеже XIX-XX веков продолжил М. Вебер. При создании научно-экономического журнала «Архив» он выдвинул основную цель, чтобы данный журнал был чисто научным, использующим средства научного следования. Им предложено в журнале формировать суждения о проблемах практики, включая и критику социально-политической практики вплоть до законодательных факторов. Перед ним невольно возник ряд вопросов: можно ли сочетать знания о социальных условиях жизни, включая соответствующие факты, со строго научными средствами познания? Как сочетать меры управления и законодательство с практическими научными советами? Какой метод должен быть положен в основу таких суждений? Наконец, не выходит ли основной комплекс социальных проблем за рамки научного исследования? Известно, ведь, что для научного познания первостепенно значима объективная основа его выводов, а в социальном познании многое основано на мнениях исследователей. Вначале Вебер решил высказать свою точку зрения по поводу специфики научного метода, чтобы после изучать возможность использования объективно значимых знаний в изучении культуры [см. 2, с. 345-346]. 1.1. Исходная посылка Вебера о тождестве социально-политического вида познания естественным наукам более чем преждевременна. Вебер не учёл глубоко продуманного Кантом вывода о принципиальной разнице, даже пропасти, пока существующей между законами природы и законами свободы (точней – свойствами духа) [см. 5, с. 60]. 1.2. С одной стороны, Кант согласился с мнением учёных о зависимости естественнонаучного познания от законов природы, обязывающих следовать принципам объективности, точности и строгости. С другой стороны, при познании общественных процессов источником всяких деяний людей является их душа и её способность ума. Кроме того, люди обладают мотивами, намерениями, создают цели, но это совсем иной предмет изучения, нежели закономерности природы. В общественных отношениях очень часто отсутствует природно-значимая объективность, но наоборот, отметил Кант, преобладает субъективное начало [см. 4, с. 332]. 1.3. Потому он сделал вывод: безусловно, не совпадают по своей сущности процессы в природе и обуславливающие их факторы причинности – с одной стороны; процессы в жизни людей, обусловленные факторами субъективной причинности – с другой. Если кто-то не учитывает этой разницы, он впадает в противоречие [см. 4, с. 316-317]. Тем не менее, данное противоречие постоянно возникает в работах позитивистов, к которым, вольно или невольно, примкнул М. Вебер.

Активным сторонником защиты научного подхода в социологии выступил Э. Дюркгейм. Социальные факты предстают у него не в виде действий и взаимодействий людей, а как разного вида объективированные образования виде языка, традиций, финансов, норм, религии. Дюркгейм констатирует, что они предопределяют разные формы чувствования и общения человека. Сами объективированные формы предстают в

виде оформившихся образов мышления и действия. Главным в определении таких форм оказывается фактор их внешнего принуждения в отношении к человеку, к которым человек или группа вынуждены приспосабливаться [см. 3, с. 39]. 1. Социальные факты, обозначенные Дюркгеймом – это объективированные способы фиксации языка, денежных знаков, правил поведения, народных традиций. В таком виде они становятся предметом изучения в лингвистике, экономике финансов, юриспруденции, этнографии, но не в общественности. Язык, зафиксированный на бумаге, становится живым и одушевлённым в речи, представая в этом качестве, как точно отмечал Ф. Соссюр, насквозь психичным. В правоведении исходны фундаментальные нормы права (божественного, естественного, обычного, разумного) – они изнутри регламентируют поведение людей. Наоборот, законы, издаваемые органами власти, разнятся от страны к стране, периодически изменяются и также обладают функцией регламентации поведения. Деньги являются тенями стоимостей, а те – тенями сложно организованных трудовых процессов, которые и являются их первопричиной. Традиции живут в памяти народов, если они помогают будущему; те, которые не помогают, отмирают. Религия выглядит трояко – как верования людей, представляющие собой чувства; как тексты, перешедшие из прежних времён, на которых записаны высказывания посланников Бога, а также их апостолов, после отцов церкви; как церковные правила и предписания. Большая часть записанных и зафиксированных форм происхождением своим тесно связана с психическими процессами. В материализованном виде, если в отношении к ним не проявлено внимание со стороны людей – они негласны, могут лежать в библиотеках, или банках. Никакой принуждающей силой они не обладают (исключение – преступления перед заповедями Божиими, которые наказываются тем или иным способом). Следовательно, указанные Дюркгеймом формы никакими социальными фактами не являются; оценивать по этим формам состояния людей в обществе невозможно.

Р. Будон излагает свой критерий научности теорий социального изменения. Его он также черпает метод из позиции К. Поппера, сводящейся к использованию исключительно знаковой формы доказательства. Такое доказательство представляет собой некую серию знаков математической логики: $A't+k$, $B't+k$, ..., $P't+k$, которые свойственны системе в момент t . Эта серия в ходе предполагаемого социального изменения трансформируется в момент $t+k$ и в другую серию характеристик $At+k$, $Bt+k$, ..., $Pt+k$. Поскольку данный вопрос нуждается в чётком определении характеристик A , B , P , Будону приходится объяснять рассчитываемые периоды t , $t+1$, $t+k$, характеризуя изменение состояний, имеющих характеристики A , B , P в новый отрезок времени, по сравнению с предыдущим. Тогда, вроде бы, становится понятно изменение поведенческих реакций участников социальных изменений, что позволило бы объяснить их посредством формулы: $A' t+k$, $B' t+k$, ..., $P' t+k$. Будон полагает, что ряд знаковых формул позволяет найти окончательное объяснение: почему и как ситуация действующих лиц изменилась в период между t и $t+k$; что в итоге отразилось на реакциях их поведения? Он утверждает, будто к этой схеме можно свести любую строго научную теорию социального изменения [см. 1, с. 254]. 1.1. Основное обстоятельство заключается в попытке знаковыми, более того, математизированными средствами объяснить изменения состояний, происходящих между конкретными субъектами в новый отрезок времени, если сравнивать эти состояния с предыдущими. 1.2. Иначе говоря, содержательно не осознав сути предшествующих состояний, в которых находились некие наблюдаемые субъекты, Будон стремится проделать это посредством знаковых формул. Наряду с отсутствием содержательной информации о предшествующих событиях (событии) или действиях, которые повлекли за собой социальное изменение, Р. Будону следовало бы выяснить, какое из событий/действий произошло в промежутке между двумя отрезками времени, так как оно окончательно определило собой характер социального изменения. Не зная предшествующих содержательно осознаваемых

обстоятельств и решающего содержательно значимого события/действия, знаковыми формулами объяснить что-либо невозможно. 2.1. Ещё одна большая трудность связана со спецификой записи произведённого наблюдения. Если для этой цели используется естественные средства, наблюдатель и читатель используют адекватно фиксирующий и адекватно воспринимающий способы записи и её восприятия. Если их подменяют знаки математической логики, появляется необходимость двойного словесного объяснения: первое из них предваряет знаковые формулы, второе словесное объяснение сопровождает их и получаемый вывод. 2.2. Вопрос: что добавило формальное объяснение к содержательному объяснению социального изменения? Ответ прост – практически ничего, так как для описания изменений в человеческом поведении гораздо более полно и точно используется метод содержательного объяснения. Другой вопрос: можно было бы без него обойтись? Профессионалы, анализирующие социально-политические изменения, ответят на этот вопрос утвердительно. Более того, они признают, что знаковые формулы только отвлекли на себя внимание, затормозив процесс изучения мира. 3. Берясь анализировать специфику социального изменения посредством математически-знаковых средств, Р. Будон рассчитывает на критерий научности. Хотя ранее мной было обосновано (со ссылкой на аргументацию И. Канта), что к социально-политическим изменениям критерий научности пока не применим из-за его адаптации к материальным телам. Следовательно, любая знаковая форма, с ними связанная, к ним также не применима, причём, вдвойне, как тень тени. То есть, материальные процессы оказываются только слабой тенью социальных изменений; знаковая интерпретация материальных процессов – тенью тени. Попытка Р. Будона проскочить пропасть между естественнонаучным и обществоведческим знанием удачи не принесла.

Выводы: достаточно распространённые попытки использования методологии позитивизма для анализа общественных отношений и процессов, во-первых, отделены от реально существующих процессов обществе естественнонаучной методологией, не продемонстрировавшей каких-либо успехов в познании общества. Во-вторых, сама естественнонаучная методология, наиболее совершенная при изучении закономерностей природы, пока не достигла степеней сложности общественных процессов. В-третьих, на современном этапе развития естественных и общественных видов познания, именно обществоведческая методология пока наиболее плодотворна в процессах познания общественных процессов. Как будет выглядеть соотношение естественнонаучной и обществоведческой в будущем, пока выявить невозможно.

Список литературы:

1. Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 284 с.
2. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем./Сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; Предисл. П. П. Гайденоко. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с.
3. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр., составление, послесловие и примечания А. Б. Гофмана. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
4. Кант И. Соч. в 6 тт. – Т. 4. Ч. 1. – М.: Мысль, 1965. – 544 с.
5. Кант И. Соч. в 6 тт. – Т. 6. – М.: Мысль, 1966. – 743 с.
6. Конт О. Курс положительной философии. В 6 тт. – Т. 1. – СПб. 1900. – 333 с.
7. Милль Дж. Ст. Основания политической экономии / Милль Дж. Ст.; Чернышевский Н.Г. - СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1909 / Н. Г. Чернышевский. – Полное собрание

сочинений в пятнадцати томах. – Том IX. 1860–1861 гг. – М., ГИХЛ, 1949 / Обновлено: 22/11/2016. – 676 с.

8. Спенсер 13 Г. Опыты научные, политические и философские. – Мн.: Современ. литератор, 1999. – 1408 с.

References:

1. Budon R. A place of disorder. Criticism of theories of social change. – М.: Aspect Press, 1998. – 284 p.
2. Weber M. Selected works: Translated from German/Comp., general ed. and afterword by Y. N. Davydov; Preface by P. P. Gaidenko. – М.: Progress, 1990. – 808 p.
3. Durkheim E. Sociology. Its subject, method, purpose / Trans. from French, compilation, afterword and notes by A. B. Hoffman. – М.: Canon, 1995. – 352 p.
4. Kant I. Op. in 6 vols. – Vol. 4. Part 1. – Moscow: Mysl, 1965. – 544 p.
5. Kant I. Op. in 6 vols. – Vol. 6. – М., 1966. – 743 p.
6. Conte O. The course of positive philosophy. In 6 tt. – Vol. 1. – St. Petersburg. 1900. – 333 p.
7. Mill D. S. Foundations of Political Economy/Mill D. S.; Chernyshevsky N.G. - St. Petersburg: Type. M. M. Stasyulevich, 1909/H. G. Chernyshevsky. - Complete works in fifteen volumes. - Volume IX. 1860-1861 - М., GIHL, 1949/Updated: 22/11/2016. – 676 p.
8. Spencer G. Scientific, political and philosophical experiments. – Мн.: Modern. Literator, 1999. – 1408 p.